ВОЛОВЬИ ЛУЖКИ В КАЗАХСТАНСКИХ СТЕПЯХ

В ряду литературных юбилеев прошедшего 2018 года практически незамеченной в России осталась круглая дата – 130-летие двух шуток гения, знаменитых одноактных комедий **Антона Павловича Чехова** «**Предложение**» и «**Медведь**», написанных в 1888 году. А вот в соседнем **Казахстане**, в частности, в городе **Темиртау** мимо этой даты не прошли: в конце года **Темиртауский театр для детей и юношества** представил новую сценическую интерпретацию этих пьес. Премьера спектакля «**К БАРЬЕРУ!**» в режиссерской разработке **Владимира Дроздецкого** состоялась 15 и 22 декабря 2018 года и стала прекрасным новогодним подарком как для давних поклонников творчества Чехова, так и для молодых казахстанских зрителей, впервые открывающих для себя драматургическое творчество гения русской словесности.

Спектакль сделан в камерном формате, он играется в недавно открывшемся малом зале театра. У входа в зал установлен живописный верстовой столб, на стрелках которого обозначено расстояние до сцены, буфета и... лондонского театра «Глобус» – 6 тысяч верст. Данная инсталляция является ироническим прозрачным намеком: чеховские пьесы-шутки – пусть и далекие, но все же натуральные кровные родственники трагедийных шедевров Вильяма Шекспира. И почему бы современному казахстанскому театральному коллективу не дерзнуть вскрыть эти истории шекспировским ключиком?

Еще до начала действия, входя в лишенное занавеса камерное театральное про-

«Предложение». Чубукова – И. Мальчихина, Чубуков – В. Хомутов

«Предложение». Ломов – Н. Колесов, Чубукова – А. Агафонова

странство, убеждаешься в последовательности избранного приема: многие декорации в этой постановке, в полном соответствии с глобусовской традицией, заменены лаконичными табличками с обозначением мест действия: *«Сад Чубуковых»*, *«Усадьба Поповых»*. Но создатели спектакля не останавливаются на этом и, в лучших озорных традициях Антоши Чехонте, доводят данный прием до веселого абсурда: табличками снабжены и предметы интерьера. Так, на скамейке в саду Чубуковых закреплена табличка *«Скамейка»*, чтобы про нее грешным делом никто не подумал чего другого. Костерок с тазиком для варки варенья снабжен табличкой с поэтическим термином *«Очаг»*. На клавесине в гостиной вдовы Поповой красуется надпись *«Клавесин»* — и т. п. Забегая вперед, скажем: данный пародийный прием оказывается отнюдь не номинальным вспомогательным средством для достижения комического эффекта – по ходу действия он получает остроумное развитие. Ибо не помеченные табличками предметы мебели и реквизита в этой постановке порой ведут себя совершенно неожиданно для зрителя: стул превращается в женщину, плед — в младенца, а портрет в гостиной выдает нечто уж совсем фантастическое.

Разыгрывание знакомого чеховского текста в этом спектакле обрамлено сюжетно непредсказуемыми ироническими интермедиями театра теней, также активно работающими на режиссерскую идею пародирования трагедийных шекспировских приемов. Весьма неожиданным является самый первый визуальный образ, возникающий на теневом экране в первую секунду действия – плаха с топором. Впрочем, спустя мгновение становится ясно, что это не плаха, а всего лишь колода с топориком, на которой колют дрова в костер для варки варенья в саду Чубуковых. И единственный, кто на наших глазах реально рискует лишиться головы на этой «плахе» — это курица из приусадебного хозяйства (одним

«Медведь». Портрет – В. Пимонов, Попова – Н. Ершова

вареньем ведь сыт не будешь, хочется и куриного бульончика). А поскольку чеховские мужчины, в отличие от шекспировских, сплошь «нежные души», то бишь чересчур чувствительны к виду крови, пусть даже и куриной, рутинная обязанность умерщвления домашней птицы ложится на хрупкие женские плечи очаровательной хозяйки усадьбы. Впрочем, режиссер великодушно щадит нервы зрителей и предупреждает праведный гнев вегетарианцев и защитников животных: интермедия обрывается на кульминационном моменте замаха топором, все же оставляя несчастной курице гипотетический шанс на спасение. Но расклад сил, таким образом, обозначен четко: здешняя Джульетта, она же Наталья Степановна Чубукова топором помахать не гнушается, крови не боится и никакому, даже хоть трижды распрекрасному Ромео свои родовые Воловьи лужки без боя уж точно не уступит!

Роль Натальи Степановны в очередь играют две исполнительницы. Безусловная актерская победа спектакля — работа **Анастасии Агафоновой**. Ведущая молодая актриса в этой роли использует широкий арсенал приемов, демонстрируя и обаятельные черты истинно чеховской лирической героини, и по-гоголевски острую комедийную характерность, и, в соответствии со сквозным замыслом режиссера, шекспировский накал страсти в ироническом преломлении. Вторая исполнительница **Ирина Мальчихина** пока несколько уступает Анастасии Агафоновой в мастерстве и разнообразии красок, но за счет очаровательной внешности, замечательной природной органики и прекрасно развитого чувства партнерства тоже смотрится весьма и весьма достойно.

В роли провинциального русского Ромео Ильи Васильевича Ломова в первых показах предстал **Никита Колесов**. Колоритная фактура одного из самых молодых актеров темиртауской труппы замечательно работает на предлагаемый чехов-

«Медведь». Попова – Н. Сытина, Лука – Р. Гужель

ский образ, исполнитель старательно воспроизводит предложенный режиссером рисунок роли. Но в плане актерской техники ему еще есть куда расти: отдельные эпизоды сыграны очень хорошо, в других, особенно на первом показе, увы, чувствовалось то явное провисание, то чрезмерная суетливость. Впрочем, уже на втором показе артист почти преодолел премьерное волнение и существовал на сцене намного ровней и убедительней.

По счастью, в этом спектакле работает исполнитель, чье солирование в актерском ансамбле, блистательное комедийное мастерство и искрометная сценическая энергетика с лихвой компенсируют все слабости молодых партнеров и выводят постановку в разряд безусловных побед театра. Опытный мастер труппы **Владимир Хомутов** — актер поистине коллекционный, верный носитель русской театральной традиции. И этот спектакль стал подлинным его бенефисом. Артист замечательно и очень разнообразно играет две роли — милейшего папеньку Степана Степановича Чубукова в «Предложении» и грозного кредитора Григория Степановича Смирнова в «Медведе». Демонстрируемое Хомутовым мастерство перевоплощения в чеховских образах вызывает ассоциации с игрой корифеев русской сцены, в частности, с перевоплощениями Игоря Ильинского в известном телеспектакле по чеховским рассказам.

В «Предложении» перед зрителем предстает милейший хозяйственный домовитый старик в уютном домашнем халате и забавном колпаке, увлеченно отдающийся процессу варки варенья. Но в ходе сватовства Ломова и горячего спора о принадлежности Воловьих лужков он преображается в почти шекспировского оскорбленного короля Лира, а за-

«Медведь». Смирнов – В. Хомутов, Попова – Н. Сытина

тем, в кульминационной сцене чеховской комедии — в брата Лоренцо, отчаянно горюющего над бездыханными телами несчастных влюбленных (изящно выстроенная режиссером мизансцена явственно отсылает зрителей к «*повести, печальнейшей на свете*»).

В «Медведе» на сцену решительной походкой выходит бравый отставной поручик, наездник и гуляка, мужчина, хоть и многое повидавший на своем веку, но еще в самом соку. В концепции этой постановки Смирнов — не столько грубый русский медведь, сколько страстный венецианский мавр, выживший и помудревший с годами Отелло, навеки смертельно оскорбленный непостоянством многочисленных провинциальных Дездемон. Веришь, что такой Смирнов-Отелло действительно в порыве страсти задушить может, поэтому, зная за собой это, он держится от женщин подальше, предпочитая танцу и диалогу с дамой танец и монолог со стулом.

Под стать герою и партнерши: роль Елены Ивановны Поповой режиссер доверил двум исполнительницам.

В премьерном составе Попову сыграла опытнейшая **Нина Сытина**, еще один поистине коллекционный экземпляр темиртауской труппы, актриса с ярко выраженной индивидуальностью и образцовым уровнем мастерства. Их актерский дуэт с Владимиром Хомутовым – это высший класс владения комедийным жанром: актриса создает образ своей героини без малейшего пережима и перегиба, органично существует в заданной пародийной стилистике, отсылая нас к образу шекспировской королевы Гертруды, не успевшей сносить башмаков с момента потери законного мужа, но волею судьбы вовлекаемой в горнило новой любовной страсти, до поры сопротивля-

ющейся этому чувству, но в итоге сдающейся на милость победителя.

Другие, сугубо индивидуальные краски к этому образу находит обаятельная актриса **Наталья Ершова**. В ее Поповой нет королевского величия Гертруды, но есть мягкость, трепетность и женственность повзрослевшей Дездемоны, той самой 22-й русской Дездемоны, на которой способен, наконец, остановиться мятущийся дух несчастного в любви Отелло-Смирнова, потерпевшего до этого 21 поражение на личном фронте *(«12 женщин бросил я, 9 бросили меня»)*.

Любопытно, что Владимир Хомутов с разными партнершами играет своего героя несколько по-разному, чутко откликаясь на задаваемый актрисами индивидуальный ритм и излучаемую энергетику. Это тот случай, когда спектакль нужно смотреть в обоих составах, чтобы получить двойное зрительское удовольствие.

Лакея Поповой, старика Луку играет самый молодой в сегодняшней труппе театра **Роман Гужель**. Эта работа, безусловно, полезна для актера в плане развития мастерства, опыта существования в возрастной характерности, и по результату заслуживает индивидуальной похвалы с некоторыми оговорками. Есть моменты, когда актер несколько пережимает с изображением старческой дряхлости, сбивая ритм действия. И в плане существования в общем ансамбле Лука остается сугубо служебным персонажем, лишенным индивидуальной изюминки. Но эта претензия — сугубо к режиссеру Владимиру Дроздецкому, а не к молодому перспективному исполнителю.

Однако и этот, и ряд других мелких недочетов режиссеру стоит простить за ряд замечательных остроумных находок. В числе которых и вышеназванные пародийные аллюзии на шекспировскую традицию, и яркая фантазия в обыгрывании реквизита (так, плед в «Предложении» обыгрывается всеми персонажами столь активно и разнообразно, что практически становится четвертым персонажем действия), и забавный выпад в адрес творчества младшего современника Чехова Казимира Малевича. И неожиданно развитый, опять-таки в последовательном пародировании шекспировской традиции, образ покойного мужа Поповой, превращенный из заданного в чеховском первоисточнике предмета реквизита (портрета) в живую яркую комедийную актерскую работу. Портрет мужа в этом спектакле живой: его роль с замечательным чувством меры и вкуса исполняет колоритный актер **Вячеслав Пимонов**. Внешне роль практически статична (портрет есть портрет), образ оживает всего в нескольких моментах и лишь на несколько мгновений — но эти мгновения воплощены актером столь мастерски и так точно работают на общую пародийную концепцию спектакля, что невольно вспомнишь монолог принца датского: *«Взгляните, вот портрет, а вот другой...»* и призрак отца Гамлета.

А еще — этот спектакль в прямом смысле радует зрительский глаз: работа создателей художественного оформления и костюмов **Татьяны Ушаковой** заслуживает самых восторженных эпитетов — картинка получилась истинно чеховская. Отдельных аплодисментов заслуживает и работа хореографа **Оксаны Квасневской**.

Юбилей шуток гения ознаменован достойно: в 130-летнюю историю постановок «Предложения» и «Медведя» вписана новая яркая глава, и ее автор — коллектив театра из далекого Темиртау. Кстати, в этом году театр тоже отмечает юбилейную дату — **30 лет** со дня основания.

Юрий ЮЩЕНКО

Фото предоставлены театром